

ОПРОВЕРЖЕНИЕ Й.ШУМПETERОМ МЕТОДОЛОГИИ СЦИЕНТИЗМА В ЕГО ТЕОРИИ ИННОВАЦИЙ И РЫНОЧНОГО БИЗНЕС-ЦИКЛА

В статье прослеживаются методологические истоки утопии Прогресса, на которых базируется философия Просвещения XVIII века. В основе данной традиции мышления, создавшей системы абстрактных экономических категорий, лежит методология механистического рационализма. Исследована сущность отвлеченных от действительности предпосылок мышления, с чьей помощью была создана классическая статическая модель «рынка совершенной конкуренции», из которой Ж. Б. Сэй вывел закон, отрицающий циклический характер капиталистической рыночной экономики и возможность кризисов перепроизводства товаров.

Во второй половине XIX века произошла маржиналистская революция, которая привела к преобразованию терминологического аппарата и методологии классической политической экономии. Однако внедрение изощренного

математического аппарата в классическую экономическую традицию оставило в «девственной» незыблемости предпосылки механистического мышления механистического рационализма. По этой причине вся система экономических категорий продолжала строиться на принципах механико-математического мышления, которое отрицает экономическую действительность капиталистической рыночной экономики. Неоклассики сохранили все без исключения теоретико-методологические подходы и категории, внутренне присущие механистической традиции: 1) «технологический детерминизм»; 2) «чистая экономика»; 3) «экономический человек»; 4) гибкость рыночных цен на товары и деньги в узком диапазоне их отклонения от статичного состояния равновесия; 5) быстрый перелив всех видов ресурсов между отраслевыми рынками; 6) статичное равновесие модели «рынка совершенной конкуренции»; 7) закон Сэя, отрицающий циклический характер капиталистической рыночной экономики и возможность кризисов перепроизводства товаров; 8) отрицание возможности и необходимости регулирования государством кризисных тенденций в рыночной экономике. Таким образом, маржиналистская революция породила неоклассическую традицию экономической теории, которая слегка подкрасила фасад абстрактной теории статичного равновесия. Содержание статичной экономики исключало сложную природу человека, природу микроэкономики фирмы, природу макроэкономики и соответственно сложноорганизованную систему социума. В итоге неоклассическая экономическая теория оказалась не в состоянии заметить в рыночной действительности ни один из кризисов перепроизводства ни на уровне национальных экономик, ни на уровне мировой экономики. Для решения сложных проблем микро-, макро- и мировой экономики изощренный математический инструментарий так называемых строгих научных терминов, находящихся в арсенале неоклассической экономической теории, не был приспособлен. В таких условиях развития науки оставалось терпеливо ожидать наступления вселенского социально-экономического погрома. И вот в 1929 г. он наступил и длился до 1939 г., вплоть до начала Второй мировой войны. Великая депрессия забила последний гвоздь в крышку гроба самой строгой науки, использовавшей в своих исследованиях самые строгие методы анализа. Однако предмет изучения, который она себе «нарезала», оказался произвольным, так как исследовалась абстрактная реальность выдуманных моделей, имевших отдаленное отношение к рыночной действительности.

Появившаяся в эпоху цифровой революции гипотеза «экспоненциального роста», в основании которой лежит феномен «подрывных технологий» (disruptive technologies), имеет методологическую базу в той же теории механистического рационализма, рожденной в эпоху техногенного Прогресса. Их объединяет неадекватная интерпретация тенденций, сложившихся в рыночной экономике, и фантастические перспективы, которые должны, по мнению механицизма, наступить вместе с цифровой революцией. В сухом остатке самым значимым «достижением» утопии техногенного Прогресса цифровых энтузиастов оказывается исчезновение во всех просвещенческих утопиях

(«теориях») сердца рынка – бизнес-цикла и кризисов перепроизводства. В основании очередной донельзя упрощающей модели сложноорганизованной реальности находятся статические модели рыночной экономики, метод механистического рационализма. Как-то Г. В. Плеханов назвал В. И. Ленина «гением упрощения». Эта мысль осталась очень актуальной и в эпоху цифровой революции тоже.

В концепции Й. Шумпетера теории «созидательного разрушения» исследуется совокупность социально-экономических и технологических предпосылок, способствующих формированию бизнес-цикла, из чрева которого субъекты в жесткой конкурентной борьбе рожают технологические и организационно-управленческие инновации. Нововведения создаются в жесткой рыночной среде частными субъектами, стремящимися преодолеть значимые риски невозврата инвестированных средств, что свидетельствует о спонтанной природе их появления.

Рынок создает механизмы координации разнонаправленных интересов субъектов, которые упорядочивают свои интересы. Адаптационные возможности субъектов экономики в ответ на рыночные сигналы, целевая направленность и характер регулирующего воздействия государства зависят от развитости институтов рыночной экономики. Рынок, по определению Ф. Хайека, является «процедурой открытия» новых товаров, услуг, факторов производства. Всплеск инноваций способствует использованию каждым субъектом рынка своих уникальных знаний. Частная форма присвоения результатов рыночных инноваций стимулирует приращение нового знания.

Вместе с тем спонтанно возникающие инновационные технологии при определенных условиях рождаются не только в частном бизнесе, несущем рыночные риски. Нововведения создаются научно-исследовательскими коллективами, которые выполняют целевые программы в условиях первоочередной реализации государством общественных приоритетов (интересов). Выполнение государственных заданий финансируется из средств государственного бюджета, и потому «поисковые команды» не несут рыночных рисков. Вполне естественно, что возникают риски провала и не выполнения приоритетных общественных задач. Впоследствии технологические инновации посредством действия механизмов техногенной диффузии распространяются в разнообразные отрасли экономики, проникая в том числе и в банковскую систему.

Однако организационно-управленческие инновации, преобразующие внутреннее существо нефинансовых фирм и финансовых посредников, создаются исключительно бизнес-средой. То же самое относится к революционным инновациям, которые периодически «взламывают» рынок потребительских товаров и услуг. Они спонтанно порождаются исключительно средой частного бизнеса, так как здесь никакие даже самые «мудрые» и обильно финансируемые государственные целевые программы не способны привести к какому-либо значимому успеху. Как показал опыт функционирования централизованной плановой экономики, рынок потребительских товаров и услуг в ней оказался самым провальным с точки зрения инноваций, нацеленных на удовлетворение потребностей частных лиц.

В капиталистической рыночной экономике инновации рождаются из природы бизнес-цикла, находясь под воздействием периодических циклических колебаний. Они выражаются в экономических параметрах (ВВП, занятость, денежная масса и ее структура, цены на товары и услуги, уровень процентных ставок и валютного курса). Специалисты тестируют динамику колебаний рыночных показателей конъюнктуры, используя методы системного анализа параметров делового бизнес-цикла. Динамика социально-экономических процессов отражается в конфигурации деловых циклов, которые имеют разную временную длительность протекания. Основным результатом действия бизнес-цикла выступает замена производителями устаревающего основного капитала на более производительный основной капитал. Бизнес-цикл проявляется в структурных сдвигах в экономике, запуская процесс создания новых отраслей. Инновационные предприниматели нанимают на работу квалифицированных работников, способных обслуживать новые технологии, которые спорадически возникают. Капиталисты, неся бремя рыночных рисков, покупают продвинутые технологии для повышения конкурентоспособности своих фирм. На рынке труда они соединяют новые технологии с подготовленной рабочей силой, производя смычку наемной рабочей силы с капиталом. Это является следствием реализации принципа адекватности труда, требующего необходимых навыков, в отношении капитала, который представлен производительными технологиями.

В 40-х годах XX века австрийский экономист Й. Шумпетер обосновал теорию *созидательного разрушения*, определив место и роль инновационных предпринимателей в структуре развертывания динамики бизнес-цикла [1, с. 126–127]. Предприниматели, по мнению ученого, являются организационно-управленческим стержнем, на котором строится технологический прогресс капиталистического общества. Будучи ключевыми субъектами инновационного процесса, они «тащат» на себе гигантские риски применения капитала, неся бремя внедрения на рынке новых технологий. Одним из первых в экономической науке Й. Шумпетер объяснил функционирование механизма воспроизводства основного капитала, обосновав выдвинутую им оригинальную теорию действия рыночного механизма «созидательного разрушения».

Ему удалось логически непротиворечиво увязать в единую концепцию предложенные им оригинальные трактовки двух теорий (инноваций и бизнес-цикла), что привело к двум нетривиальным следствиям. Выступив в качестве новаторских в экономической теории, научные открытия Й. Шумпетера подвергли сомнению обе борющиеся между собой традиции. Его не признали за своего ни неоклассическая, ни социалистическая теория. Во-первых, экономист бросил вызов классической и неоклассической традиции теории статичного равновесия рынка, поставив под сомнение ее исходные предпосылки мышления, а также сложившуюся в рамках мейнстрима (mainstream) трактовку механизмов функционирования капиталистического

рынка. Во-вторых, Й. Шумпетером было научно доказано отсутствие в структуре социалистического общества субстанционального источника, порождающего инновации. На проверку оказалось, что в социалистической экономике просто нет имманентных фундаментальных структур, создающих механизм развертывания инновационной активности, так как отсутствуют производительные субъекты, несущие на себе риски внедрения продуктивного основного капитала. При социализме есть тоталитарное государство, государственные предприятия и основные производственные фонды. Однако начисто отсутствуют капиталисты, предприниматели, разнообразные организационно-управленческие структуры частного бизнеса и капитал как рыночное отношение. При капитализме все эти элементы присутствуют, однако они включены в принципиально иную отвлеченную от рыночной действительности систему абстрактных отношений, которую выстроила теория статичного равновесия. Получилось то, что капиталистический рынок работает совершенно на других принципах, нежели те, которые были заложены в объяснительные конструкции классической и неоклассической теории механистического равновесия.

Как пишет Й. Шумпетер, «Капитализм по самой своей сути – это форма или метод экономических изменений, он никогда не бывает и не может быть стационарным состоянием. Эволюционный характер капиталистического процесса объясняется не только тем, что экономическая жизнь протекает в социальной и природной среде, которая изменяется и меняет тем самым параметры, при которых совершаются экономические действия. Этот факт очень важен, и эти изменения (войны, революции и т.д.) часто влияют на перемены в экономике, но не являются первоисточниками этих перемен. То же самое можно сказать и о квазиавтоматическом росте населения и капитала, и о причудах монетарной политики. Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его на ходу, исходит от новых потребительских благ, новых методов производства и транспортировки товаров, новых рынков и новых форм экономической организации, которые создают капиталистические предприятия» [1, с. 126].

Экономист представил процесс постоянного динамического возникновения инноваций в следующих тесно взаимосвязанных структурных элементах, которые включены в специфическую структуру отношений. Во-первых, происходит создание новых рынков технологий, элементов основного и оборотного капитала (совершается «процедура открытия» по Ф. фон Хайеку), которые жизненно необходимы бизнес-структурам. Это приводит к тому, что предприниматели создают и открывают для потребителей конечную инновационную продукцию, покупаемую ими на рынке потребительских благ. Во-вторых, формируются новые организационно-управленческие структуры фирм. Ученый пишет: «Строго говоря, эти революции происходят не непрерывно, а дискретно и отделяются друг от друга фазами относительного спокойствия. Но весь процесс в целом действительно непрерывен, т.е. в каждый данный момент происходит или революция, или усвоение ее результатов. Обе эти фазы, вместе взятые, образуют так называемый экономический цикл» [1, с. 127].

Представляя результаты своего оригинального исследования механизмов функционирования капиталистического рынка, Й. Шумпетер вычленяет несущую систему взаимосвязанных элементов инновационного процесса, которые порождают единый поток развертывания динамической структуры *неравновесного рынка*. Й. Шумпетер ввел в науку оригинальную систему категорий и научных доказательств теорий инноваций и бизнес-цикла. С их помощью ученый определяет рынок как неравновесный, а потому инновационный. Именно неравновесное состояние рынка создает инновационную активность в капиталистической экономике. В открытой Й. Шумпетером субстанции неравновесного рынка находится животворящий источник прибыли капиталистических фирм. Таким образом, ученый нашел источник прибыли совершенно в другом месте, нежели их ранее «нашла» классическая и неоклассическая традиция теории статичного равновесия.

По словам Й. Шумпетера, «Открытие новых рынков, внутренних и внешних, и развитие экономической организации от ремесленной мастерской и фабрики до таких концернов, как “Ю. С. Стил”, иллюстрирует все тот же процесс экономической мутации, – если можно употребить здесь биологический термин, – который непрерывно революционизирует экономическую структуру *и з н у т р и*, разрушая старую структуру и создавая новую. Этот процесс “созидательного разрушения” является самой сущностью капитализма, в его рамках приходится существовать каждому капиталистическому концерну. Данный факт имеет двоякое отношение к нашей проблеме.

Во-первых, поскольку мы имеем дело с процессом, каждый элемент которого требует значительного времени для того, чтобы определить его основные черты и окончательные последствия, бессмысленно оценивать результаты этого процесса на данный момент времени: мы должны делать это за период, состоящий из веков или десятилетий. Любая система – не только экономическая, – полностью использующая все свои возможности для получения наилучшего результата в каждый данный момент времени, может в долгосрочном аспекте уступить системе, которая не делает этого никогда, поскольку краткосрочные преимущества могут обернуться долгосрочными слабостями.

Во-вторых, поскольку мы имеем дело с процессом органическим, то анализ того, что происходит в отдельном концерне или отрасли, может прояснить, как работают отдельные детали всего механизма, но не более того. Поведение того или иного предприятия следует оценивать только на фоне общего процесса, в контексте порожденной им ситуации. Необходимо выяснить его роль в постоянном потоке “созидательного разрушения”, невозможно понять его вне этого потока или на основе гипотезы о неподвижности мира» (Курсив наш. – В. У.) [1, с. 126–127].

Закономерностью рыночной экономики капитализма вступает функционирование фундаментальной причинно-следственной связи между двумя явлениями. С одной стороны, это инновации в сфере создания элементов основного и оборотного капитала, инновационной продукции для покупа-

телей, с другой – формирование новых форм организации и управления фирмой. В теории инновационного бизнес-цикла выделяется два взаимосвязанных феномена. Во-первых, соединение инновационных факторов производства – капитала, предпринимательского таланта, рабочей силы и «природного ареала обитания человека», что в экономической теории получило название «земля». Следствием функционирования этой динамичной системы взаимодействующих четырех факторов производства является закономерное возникновение второго феномена. Это рост производительности (отдачи) использования особым способом соединенных новатором (предпринимательский талант) четырех факторов производства в долгосрочный период времени.

Закономерная причинно-следственная рыночная связь заключается в том, что предприниматели увязывают воедино процесс введения в систему общественного воспроизводства ВВП «созвездия» инновационных факторов в широком смысле слова. Появляется, во-первых, новый более производительный основной и оборотный капитал, во-вторых, инновационная продукция для покупателей, в-третьих, новые источники снабжения, в-четвертых, новые формы организации и управления фирмами. Последнее особенно важно, так как возникают новые формы общественного разделения труда. Вся совокупность данных факторов инициирует увеличение отдачи факторов производства фирм. Эта взаимозависимое «созвездие» инновационных факторов порождает масштабируемый рост отдачи инновационных фирм, действующих как в краткосрочный, так и долгосрочный период времени. Данная динамичная система рыночных элементов генерирует волны имманентных изменений в рыночной экономике, представляющей единую неравновесную систему, находящуюся в динамике развития и совершенствования. Й. Шумпетер вывел систему естественных закономерностей *неравновесного рынка*, который задает механизм функционирования капиталистического бизнес-цикла.

Концепция «созидательного разрушения» Й. Шумпетера исключает абстрактную классическую статическую модель «рынка совершенной конкуренции» и ее смысловое ядро – закон Сэя. Предложив оригинальную теорию рождения инноваций из природы бизнес-цикла, Й. Шумпетер тем самым поставил под сомнение концепцию статичного равновесия рынка, которая вырастала из абстрактной модели «совершенной конкуренции». Последняя не действует в капиталистической рыночной экономике. В рамках классической и неоклассической традиции в политической экономии в XVIII–XX веков была сформулирована теория статичного равновесия рынка, которая не обладает инструментами анализа эмпирической действительности рыночной экономики. С помощью категориального аппарата и методологии отвлеченной теории статичного равновесия рынка «совершенной конкуренции» невозможно адекватно описать реальную действитель-

ность капиталистической рыночной экономики, которая находит свое логичное выражение в циклической конфигурации бизнес-цикла, структурных сдвигах экономики, возникновении инноваций в широком смысле слова.

Существует настоятельная потребность в адекватном описании природы бизнес-цикла через систему категорий, с помощью которых можно выразить динамично изменяющиеся параметры, отражающие действительность капиталистической рыночной экономики. В рамках не корректно поставленной научной задачи отвлеченная от рыночной действительности абстрактная модель «совершенной конкуренции» статичного равновесного рынка вытекает из не достоверных исходных и интуиций классической и неоклассической школы. Последние напоминают собою скорее *утопические предположения*, означающие при переводе с греческого языка «место, которого нет», нежели результат точного знания. Проблема заключается в том, что категориальный аппарат классической и неоклассической традиции базируется на механистических и математических аналогиях, которые были привнесены в политэкономия в XVI–XIX веках. Поставленные цели формулировки «идеальной» модельной конструкции обусловлены математическими и механическими смыслами, вытекающими из аналогии простых механических часов, которые можно собрать и разобрать, заведя их на точный ход. Отсюда вырастает «чистая теория» сциентизма. По этой причине субстанциальные истоки, породившие экономическую теорию и методологию рационалистической традиции, необходимо искать за пределами собственно экономической науки. Ее истоки лежат в механистическом мировоззрении утилитарного автономного новоевропейского человека. Формулировка гипотезы об «экономике как таковой» построена не на совокупности эмпирических фактов, а представляет собой надуманную механическую конструкцию, которую желают математически точно обчислить.

Классическая и неоклассическая традиция основана на глубинных мировоззренческих интуициях, имеющих отдаленное отношение к предмету экономической науки. Например, непредсказуемая природа человека и стихийный рынок – это антиподы математических формул абсолютно интеллектуально проницаемого механического рынка. Декарт и его ученик Ламетри видели в человеке аналог механической машины. Созданные сциентистами абстрактные модели «совершенной конкуренции» и статического равновесия рынка нуждаются в рефлексии своих исходных базовых оснований, предпосылок мышления и критериев поиска истины. В такой постановке очерчена философская проблема системного видения предмета гуманитарного исследования экономической науки, столь нелюбимого математиками, которые предельно сузили и формализовали предмет экономической науки. К сожалению, «узкие экономисты» воспитаны в сциентистской традиции мышления, что исключает системное видение сложного объекта общества. Сциентизм как мировоззренческая система взглядов не

может в терминах гуманитарной экономической науки адекватно исследовать эмпирическую реальность, что приводит к системе ее противоречивых представлений об экономической действительности.

Приведем еще один пример, который хорошо иллюстрирует чисто дедуктивный тип методологии классической школы английской политической экономии. В 1801 г. первая перепись населения в Англии, несмотря на распространенные мнения, показала высокий темп роста численности населения. Оказалось, что в последние десятилетия XVIII века произошел взрывной рост народонаселения. В 1798 г. Т. Р. Мальтус издал книгу «Опыт о законе народонаселения», где абстрактно, не опираясь на данные статистики, вывел тенденцию к увеличению числа людей. Его мысли были поняты как пророческие предсказания относительно возможных демографических взрывов. Однако на самом деле Мальтус, как и многие его современники, думали, что после революции Кромвеля (1640–1660) население Англии не выросло. В 1803 г., переиздавая «Опыт о законе народонаселения», Мальтус написал о прошедшей в 1801 г. первой переписи населения в Англии, однако о ее результатах он не был осведомлен достаточно глубоко. Как оказалось, он не понял, что произошел беспрецедентный рост английского населения в рамках всей европейской истории. Этот пример хорошо иллюстрирует специфику дедуктивного метода при тотальном отсутствии вкуса к анализу эмпирической действительности.

Однако продолжим. Й. Шумпетер исходит из тезиса о том, что ключевые понятия (скорее нереалистичные «гипотезы»), на которых базируются неоклассическая традиция и методология научного поиска истины, являются ошибочными. Он пишет: «...требуется придумать воображаемый золотой век совершенной конкуренции, который в определенный момент превратился в монополистический век, хотя очевидно, что совершенная конкуренция всегда была всего лишь абстракцией» [1, с.124]. Неверная исходная абстрактная модель (рынок «совершенной конкуренции») породила столь же ошибочную производную модель (монополистический рынок), которых объединяет ложная гипотеза о статичном равновесном рынке.

Неоклассическая школа (mainstream) в полной мере наследует классическую традицию и исходит из сциентистского видения экономики. Применяемая ею методология спекулятивного внеопытного знания конструирует статичную модель равновесной рыночной экономики, центральным ядром которой является закон рынков Сэя, согласно которому предложение товаров автоматически создает спрос на них, из чего вытекает отсутствие проблемы их реализации. Классики и неоклассики построили модель бартерной экономики, где гибкие цены, которые колеблются вокруг статичной точки рыночного равновесия (в рамках узкого диапазона незначительных отклонений), направляют факторы производства в места их наиболее прибыльного применения. Доходы и расходы субъектов рынка уравниваются, а сбережения гибко выравниваются с инвестициями. Классическая теория, построенная на законе Сэя, отрицала саму возможность общих кризисов

перепроизводства, несмотря на то, что эмпирический опыт людей свидетельствует о совершенно обратном. Таков удел неоклассики, для которой абстрактные дедукции важнее живых фактов.

Возникает правомерный вопрос: «Как с позиций классической политической экономии и его смыслового ядра закона Сэя можно было бы научно корректно объяснить циклическое развитие капиталистической экономики в XIX веке?». Например, как научно проанализировать феномен Долгой депрессии (англ. Long Depression) XIX века, длившейся в различных странах мира с 1873 до 1896 г., когда кризис серьезно затронул экономики Европы и США. До наступления длительной депрессии 30-х годов XX века Долгая депрессия так глубоко вошла в народную память, что справедливо была названа Великой депрессией. В 30-е гг. XX в. произошел гигантский спад ВВП, наблюдались высокий уровень застойной безработицы, дефляция, распад системы золотого стандарта, крах мировой торговли и бартерных отношений в мировой экономике.

Если же мысленно вернуться в XIX век, то, например, в экономике США Долгая депрессия (1873–1879) была вызвана паникой 1873 г., которая инициировала спад экономической активности с октября 1873 г. по март 1879 г. Правительство США в 1879 г. вернулось к системе золотого стандарта, который был свернут с 1861 г. (начало гражданской войны между Севером и Югом). Национальное бюро экономических исследований США зафиксировало в стране продолжительность экономической рецессии в 65 месяцев. Этот феномен по своей длительности превышал период падения экономики (43 месяца) в 30-х гг. XX века (Великая депрессия). Статистическими органами США были зафиксированы с конца 70-х гг. и в течение 80-х годов XIX в. самые высокие темпы роста экономики страны за всю ее историю [2, с.162–183]. Классики и неоклассики обходили этот и другие подобные неудобные проблемы, так как их механистическая теория и методология не была «заточены» на адекватный анализ эмпирической действительности рынка. Такое положение вещей продолжалось вплоть до краха мировой экономики 1929–1939 гг. Это наконец-то заставило неоклассическую традицию начать обдумывать сущность этого явления, которое ну уж никак нельзя было не замечать, делая вид, что ничего в национальных экономиках и на мировом рынке не происходит.

Рыночной экономике имманентна непредсказуемость циклической конфигурации ее основных параметров (ВВП, занятость, доходы и расходы, товарные цены, валютные курсы, процентные ставки). В основе бизнес-цикла не может лежать механистическое равновесие доходов и расходов, сбережений и инвестиций в рамках небольшого диапазона отклонений цен на товары и деньги при условии существования математически просчитываемого статического равновесия. Экономика работает при большом уровне неопределенности рыночных параметров при негибких ценах на ресурсы. Рынок

стихийен и непредсказуем, он не является математически просчитываемым механизмом. Можно привести аналогию. Человек, конечно же, знает о том, что зима наступает вслед за осенью, тем не менее зима приходит внезапно.

Йозеф Шумпетер пишет: «Аналогично в рамках традиционной системы обвинительный приговор жестким ценам вполне справедлив. Жесткость цен препятствует быстрой адаптации, которую предусматривает совершенная конкуренция. Для тех условий и для того типа адаптации, которые фигурируют в традиционной теории, это опять-таки ведет к потерям и сокращению производства. Но мы уже видели, что для переменчивого, прерывистого процесса созидательного разрушения справедливо обратное: совершенная гибкость может, напротив, вести к катастрофам. К тому же выводу приходит и общая динамическая теория, которая, как упоминалось выше, показывает, что некоторые попытки адаптации лишь усугубляют неравновесие» [1, с.151].

Закон Сэя, описывающий функционирование бартерной экономики, безболезненно переключался в неоклассику, несмотря на то, что циклическое воспроизводство рынков с завидной регулярностью проявляло свой разрушительный характер. Механистическая теория сциентизма твердо держалась за закон Сэя, упрямо игнорируя факты, а его постоянные нарушения легко списывала на стихийные бедствия, войны, революции, вмешательство государства. Закон Сэя строился исключительно на «чисто экономических» факторах, объяснение которых вытекало из модели «чистого рынка». Из этой модели жестко отсекались все социальные, культурные, политические, этические факторы развития цивилизации, игнорировалась непредсказуемая природа человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шумпетер, Й. А.* Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М. : Экономика 1995 – 540 с.
2. *Ротбард, М.* История денежного обращения и банковского дела в США. От колониального периода до Второй мировой войны / М. Ротбард. – Челябинск : Социум, 2009. – IV+548 с.

Поступила в редакцию 01.04.2022